

Научная статья
УДК 343.121
EDN SOOBPO
DOI 10.17150/2411-6122.2024.3.26-37

Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года

М.Ш. Буфетова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
maryamf@list.ru

Аннотация. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации является не только результатом современной правотворческой мысли, его положения имеют определенные закономерности происхождения, преемственность с ранее действовавшим законодательством. С этой точки зрения особую значимость представляет дореволюционный период, а именно, реформаторская деятельность Александра II, изменение судебной системы и принятые судебные уставы, в частности, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, который сыграл немаловажную роль в закреплении правового статуса защитника в уголовном процессе, многие положения Устава стали прямым прообразом для действующего законодательства. В связи с этим, представляет научный интерес сопоставление положений Устава уголовного судопроизводства 1864 года и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с точки зрения исторического анализа, выявления преемственности положений Устава и выявления возможностей дальнейшего развития норм действующего уголовно-процессуального закона с позиций его совершенствования. В статье сделан вывод о том, что придание легальной формы институту адвокатуры и закрепление возможности участия защитника в уголовном судопроизводстве в силу обеспечения права на защиту обвиняемого и подсудимого, стало возможно не только в связи с общими положениями судебной реформы 1864 года, но и такими существенными изменениями уголовного судопроизводства как введение состязательных начал.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, адвокатура, защитник, право на защиту, история адвокатуры, история уголовного судопроизводства.

Для цитирования: Буфетова М.Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года / М.Ш. Буфетова. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.3.26-37. — EDN SOOBPO // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 3. — С. 26–37.

Original article

Development of the Institute of Advocacy and the Institute of Defense by the Court Reform of 1864

M.Sh. Bufetova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, maryamf@list.ru

Abstract. The current Criminal Procedure Code of the Russian Federation is not simply a result of modern law making, its provisions have certain patterns of origin and continuity with the previously used legislation. From this point of view, the pre-revolutionary period in Russia is of particular importance, namely, the re-

forms of Alexander II, the change of the judicial system and the adoption of judicial charters, specifically, the Statute of Criminal Procedure of 1864, which played an important role in consolidating the legal status of the defense lawyer in criminal proceedings, while many provisions of the Statute became direct prototypes for the current legislation. It is of great scientific interest to compare the provisions of the Statute of Criminal Procedure of 1864 and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the purpose of historical analysis, to identify the continuity of the provisions of the Statute and to point out opportunities for further development of the norms of the current criminal procedure law in order to improve it. The author concludes that giving a legal form to the institute of advocacy and legally recognizing the participation of a defense lawyer in criminal proceedings in order to ensure the right of the accused to defense became possible not only in connection with the general provisions of the judicial reform of 1864, but also through such significant changes in criminal proceedings as the introduction of adversarial principles.

Keywords: criminal proceedings, advocacy, defense lawyer, right to defense, history of advocacy, history of criminal proceedings.

For citation: Bufetova M.Sh. Development of the Institute of Advocacy and the Institute of Defense by the Court Reform of 1864. *Sibirskie Ugolovno-Procesual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 3, pp. 26–37. (In Russian). EDN: SOOBPO. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.3.26-37.

История возникновения адвокатуры и защитника как самостоятельного участника уголовного судопроизводства прошла длительный путь становления и развития, прежде чем принять окончательную, современную форму, закрепленную в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹. В связи с этим, исторические процессы формирования института адвокатуры и формирование правового статуса защитника как участника уголовного процесса представляют не только теоретическую ценность, но и обладают практической значимостью, так как только с помощью исторического анализа возможно уяснить защитную функцию адвокатуры, ее правовую природу, сущность и содержание, а также на теоретическом уровне нивелировать те недостатки законодательства, которые в настоящее время препятствуют выполнению ин-

ститутом адвокатуры своего истинного назначения — реализации права на защиту в российском уголовном судопроизводстве.

Появление адвоката в судебном процессе было обусловлено необходимостью осуществления защиты прав тяжущихся сторон. Этим обусловлена и этимология слова «адвокат». Слово «advocatus» было образовано в результате субстантивации причастия от глагола *advocare* «защищать, помогать словом» (исходное слово *vox, vocis* «голос, речь»). В исследовании С.В. Лукошкиной указывается на то, что в переводе с латинского данное слово означает «заступник, ходатай» [1, с. 6]. По определению С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «адвокат — это юрист, которому поручается оказание юридической помощи гражданину и организации, в том числе защита чьих-либо интересов в суде, защитник» [2, с. 16].

Е.И. Осадчук [3, с. 40] первые упоминания об участии в процессе защитника относит ко времени действия таких памятников процессуального и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: (ред. от 29.05.2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

торгового права как Псковская Судная грамота (далее — ПСГ) и Новгородская Судная грамота (далее — НСГ) [4, с. 43], в которых упоминалось об участии в процессе представителя. В то же время, данные правовые памятники, не содержали специальную терминологию, и термины «адвокат», «защитник», «адвокатура» в них отсутствовали.

Например, ст. 58 ПСГ устанавливала лиц, интересы которых могли представлять помощники-поверенные, например, таковыми являлись лица с отсутствием слуха, женщины, несовершеннолетние, лица, и имеющие духовный сан, пожилые лица. Иные участники процесса не могли воспользоваться помощью судебного поверенного [4, с. 81]. Как отмечает Е.И. Осадчук, рассматриваемый документ содержал прямой запрет на пользование услугами поверенного лицами, наделенными властью. Возможность участия такого лица в процессе предполагалась лишь в том случае, если оно непосредственно являлось стороной правового конфликта и были затронуты его личные, а не служебные интересы (ст. 69 ПСГ). Статья 70 ПСГ устанавливала норму и о специальных судебных представителях по определенным категориям правовых споров, в частности, если спор касался земель, принадлежащей церкви, то в качестве судебного представителя вызывался исключительно староста. Интересно отметить, что закон налагал ограничения в отношении количества дел, которые мог вести судебный представитель — в день он мог участвовать только в одном процессе [3, с. 40].

НСГ также предусматривала возможность использовать помощь представителя в судебных делах, но в отличие от ПСГ, такой помощью мог воспользоваться любой участник процесса, без ограничений по возрасту,

статусу или физическому состоянию. Вместе с тем, законом налагался запрет менять представителей в ходе процесса (ст. 5, 15, 18, 19, 32 НСГ) [5, с. 302].

Иными словами, несмотря на архаичность указанных правовых памятников, они не только содержали упоминание о судебных представителях, но и устанавливали некоторые правила их участия в процессе, что позволяет говорить о зарождении института представительства в целом.

Последовательное принятие царских Судебников 1497 года [5, с. 54–97] и 1550 года [5, с. 97–143; 6], Соборного уложения 1697 года позволяет проследить последовательное развитие института представительства в сфере судопроизводства, которое, в свою очередь, так же продолжает развиваться и начинают формироваться отдельные нормы и институты уголовного судопроизводства. Например, уже в Судебнике 1497 года законодатель предусмотреть возможность опосредованного участия сторон в процессе, посредством участия представителя, без личного присутствия сторон.

А.Г. Кучерена отмечает интересный исторический факт, указывая на то, что впервые в истории русского законодательства, специальный термин, обозначающий представителя стороны, был использован в Воинском уставе 1716 года [7, с. 78].

Известный историк права М.Ф. Владимирский-Буданов в своем исследовании писал о том, что «государь в принципе не был сторонником состязательной модели судопроизводства, а также выступал против института представительства, утверждая, что «нанимают за себя в суд... ябедников, воров и душепродавцев» [8, с. 610]. Петр I в целом характеризовал профессию представителей крайне негативно, и по-

лагал, что их участие затягивает сроки рассмотрения и разрешения дела [9, с. 12].

Отношение первого лица государства к поверенным и судебным представителям негативно сказалось и на развитии института представительства в период его царствования — сколько-нибудь значимых изменений в данном институте не появилось. Последовательницей в вопросах отношения к институту представительства являлась и Екатерина Великая, которая, к тому же, полагала, что именно представители адвокатуры являлись одной из причин французской революции. Следует отметить определенную последовательность во взглядах на развитие адвокатуры и при последующих монархах. В частности, безразлично к развитию данного института относился Николай II, который не придавал профессии адвоката ровно никакой значимости.

Иными словами, на протяжении столетий в России складывалось негативное отношение правящей династии к адвокатуры как профессиональным судебным представителям, так как в развитии данного института усматривалась непосредственная угроза для развития свободной мысли и, как следствие, прямая угроза для монархического строя. Данное отношение отражалось и на возможностях законодательного развития института адвокатуры — законотворческая мысль обходила вниманием институт представительства, и он практически не развивался.

Вместе с тем, невозможно говорить о том, что данный институт не существовал, судебные представители принимали участие в процессе, выполняли защитные функции в весьма специфическом виде, так как участие представителей законом практически не регулировалось. Требования к представителям

данной профессии, в том числе образовательный или профессиональный ценз, не устанавливались, в результате чего квалификационный уровень представителей был весьма низким. Как правило, функции защиты на себя принимали государственные служащие. Адвокаты не особенно ценились и назывались «крапивным семенем».

Такое положение в юридической профессии продлилось до конца дореформенного периода, пока к середине XIX в. необходимость проведения судебной реформы становилась все очевиднее [10, с. 244]. В Петербурге 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Это явилось необходимой базой для Судебных уставов 1864 г., которые были приняты в ходе великой отечественной судебной реформы², которая называлась как современниками, так и последующими исследователями одной из самых демократичных, и которая существенным образом затронула формирование института адвокатуры и института защиты в уголовном судопроизводстве.

Состояние системы судопроизводства до проведения реформы 1864 г. было катастрофическим. Главными недостатками, которыми было обусловлена необходимость проведения реформы, являлся судебный и чиновничий произвол, беззаконие, невозможность добиться справедливого решения, недоступность правосудия для большинства категорий населения. В связи с этим, необходимость изменений судебной системы была основана не только на нивелировании ее недостатков, но и ее построения на принципиально новой

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны [электронный ресурс] // СПС «Гарант».

основе, что непосредственным образом сказалось на формировании новых и совершенствования ранее действовавших институтов. Оценка результатов реформы позволяет говорить, что они были впечатляющими и имели важное значение для развития российского государства в целом, а также во многом определили развитие процесса в отдельных государствах [11, с. 33].

Цели проведения Судебной реформы 1864 года были непосредственно изложены в Указе Александра II, таковыми являлись, в первую очередь, создание системы судов, которые бы рассматривали дела на основе принципов равенства, при этом руководствовались законом и принципом справедливости. Также в качестве цели проведения реформы указывалась необходимость создания суда как самостоятельной ветви государственной власти. Немаловажной являлась и такая цель как преодоление правового нигилизма населения и воспитание уважения к закону. Учитывая провозглашенные цели, достижение прогнозируемых результатов реформ было бы невозможным без базовой основы в виде принципов гласности, равенства, состязательности и права на защиту, что по справедливому замечанию предполагало переоценку отношения к институту адвокатуры и процессуальной фигуре защитника [12, с. 2908].

«Одним из определяющих факторов в решении вопроса о создании адвокатуры в России при введении Судебных уставов было существовавшее разделение на частных и присяжных поверенных, а также «иных лиц», которые занимали в процессе судопроизводства прочные позиции» [13, с. 195]. К данному разделению негативно относился А.Ф. Кони, который писал о том, что такое разделение приводило к смешению, а отсутствие профессиональных требо-

ваний к поверенным приводило к тому, что в суде мог оказаться совершенно случайный человек, с недопустимым моральным обликом [14, с. 65].

Одним из результатов судебной реформы 1864 года стало признание института поверенных (защитников) и придание ему легального статуса, что повлекло необходимость оформления данного института законодательно. Помимо Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее — Устав, УУС), был принят и введен в действие Устав об Учреждении судебных установлений 1864 г., и адвокатура впервые в истории России обрела характер юридического учреждения³, имеющего самостоятельный и независимый характер, при этом, поверенные не имели привилегий как государственные чиновники, организация имела статус самоуправляемой, самостоятельной и независимой [15, с. 24]. Данное законодательство следует считать прогрессивным и эволюционным по сравнению с ранее действовавшим в части регулирования деятельности адвокатов и присяжных поверенных, основанных на принципах состязательности и права на защиту от обвинения и собственных интересов в суде с помощью профессионального представителя (защитника).

Статья 354 Учреждения судебных установлений впервые в истории российского законодательства установила исчерпывающий круг требований, предъявляемых к соискателю на места адвоката и присяжного поверенного. Условно данные требования можно разделить на две группы: первая группа требований касалась личности претендента, вторая — его профессионализма. В первую очередь, соискатель должен

³ Устав об Учреждении судебных установлений: утв. Указом Правительствующего Сената от 20 нояб. 1864 г. // СПС «Гарант».

быть подданным Российской Империи и должен достигнуть 25-летнего возраста. Вторая группа требований предъявлялась к профессиональной подготовке и заключались в следующем:

– в наличии аттестата (диплома) университета или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или сдачи экзамена по этим наукам, то есть впервые законодательно была установлена необходимость наличия высшего юридического образования;

– службе не менее 5 лет по судебному ведомству на должностях, позволяющих приобрести практические навыки в производстве судебных дел;

– прохождении пятилетней практики в рамках профессиональной корпорации в качестве помощника присяжного поверенного. Таким образом, претендент должен был иметь не только высшее юридическое образование, но и практическую составляющую профессионализма.

Таким образом, Устав 1864 года особое внимание уделял к профессиональным критериям адвоката. Так, к лицам, выступающим в качестве кандидатов в присяжные поверенные, законодатель предъявлял требования, которые можно назвать образовательным, возрастным, гражданским и профессиональным цензом. При этом, И.Л. Данилевская оценивает данные требования «очень высокими, если учитывать определенную отсталость Российской империи, в том числе в сфере образования» [15, с. 24]. Одновременно с этим, к поверенному предъявлялись и высокие моральные требования, в профессию не допускались лица, которые совершили поступки, несовместимые с профессией адвоката [15, с. 24].

Можно говорить о том, что с указанного времени стала формироваться

именно профессия адвоката [13, с. 193], а в основу правового статуса поверенного и защитника ложился именно профессионализм [16, с. 347] и моральный облик. Такие же высокие требования в указанный исторический период предъявлялись и к судьям [12, с. 2910].

Интересно отметить, что действующее законодательство содержит более мягкие требования к потенциальным адвокатам. Например, если Устав 1864 года говорит о необходимости осуществления юридической практик в течение 5 лет, то в соответствии с действующим Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁴ (далее — ФЗ «Об адвокатской деятельности») данный срок составляет 2 года. В соответствии с Уставом, адвокатами не могли быть иностранные граждане, действующее законодательство в отношении граждан зарубежных стран не содержит ограничений.

Вместе с тем, несмотря на прогрессивные нормы, закрепленные в результате проведения судебной реформы, участие определенных социальных групп в деятельности адвокатуры затруднялось или ущемлялось. Например, таковым являлось еврейское население (1889 г.). Кроме того, наблюдалась дискриминация и в отношении женщин. Так, в 1874–1875 гг. была предпринята попытка выдавать женщинам лицензии частных поверенных, которая провалилась, так как Министерство юстиции прямо запретило подобную практику. Вплоть до Февральской революции 1917 г. женщин в России вообще не допускали к юридической практике.

⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

Согласно положениям Устава 1864 г., качество подготовки будущего адвоката под личным руководством присяжного поверенного гарантировалось запретом последнему иметь более одного помощника.

Закон в ст. 355 Учреждений судебных установлений устанавливал круг субъектов, которые не могли быть адвокатами и присяжными поверенными:

– лица не достигшие 25-летнего возраста;

– иностранцы;

– объявленные несостоятельными должниками;

– состоящие на службе от правительства или по выборам, за исключением лиц, занимающих почетные или общественные должности без жалования;

– подвергшиеся по судебным приговорам лишению или ограничению прав состояния, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда;

– состоящие под следствием за преступления и проступки, влекущие за собою лишение или ограничение прав состояния, и те, которые, был под судом за такие преступления или проступки, не оправданы судебными приговорами;

– исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

– лица, которым по суду воспрещено хождение по чужим делам, а также исключенные из числа присяжных поверенных.

Современное законодательство также тщательно подходит к отбору кандидатов, которые впоследствии могут получить адвокатский статус. Сохранены многие цензы — возрастной, образовательный, профессиональный, которые

претерпели некоторые изменения в соответствии с современными реалиями, но их сущность осталась неизменной.

Формирование структуры судебных представителей происходило следующим образом: присяжные поверенные каждого округа судебной палаты избирали из своей среды простым большинством голосов совет, председателя совета и товарища председателя для надзора за всеми состоявшими в том округе поверенными. Структура присяжных поверенных была простой, не обремененной дополнительными формированиями в виде канцелярии, секретариата и т.д. Совет присяжных поверенных созывался на общее собрание председателем совета ежегодно, где заслушивался отчет о действиях совета за минувший судебный год.

Основные права и обязанности присяжных поверенных в уголовном процессе были достаточно разрознены, «разбросаны» по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и Учреждениям судебных установлений.

В ст. 704 УУС закреплялся свидетельский иммунитет присяжных поверенных и иных лиц, исполнявших обязанности защитников [17, с. 162–309], в ст. 709 УУС устанавливалась невозможность совмещения процессуальных статусов свидетеля, поверенного и защитника подсудимого. В нормах современного уголовно-процессуального законодательства, свидетельский иммунитет адвоката сформулирован в виде императивного (абсолютного) запрета давать показания по отношению к тем сведениям, которые стали ему известны в результате осуществления профессиональной деятельности [18, с. 42].

Защитнику предписывалось сохранять тайну доверителя. Вместе с тем, УУС не конкретизирует определение сохраняемой тайны и пределы возмож-

ного вмешательства, предполагалось, что по своей правовой природе, поверенный и защитник подсудимого являются хранителями тайны, с которой к ним обратился доверитель. В равной степени данный институт отражен и в нормах современного уголовно-процессуального законодательства, а также в действующем ФЗ «Об адвокатской деятельности». Вместе с тем, по справедливому замечанию Н.Ю. Литвинцевой и А.В. Сарибекян, до настоящего времени понятие, предмет, сущность и правовая природа, а также пределы вмешательства в адвокатскую тайну остаются предметом научной дискуссии [19, с. 129].

Также ст. 600 УУС закрепляет и возможность отвода судьи, который ранее выступал поверенным, что позволяет говорить о правовых началах формирования института отводов, который в несколько измененном виде, с определенными изменениями и дополнениями был включен в текст УПК РФ.

По «праву бедности» адвокатские услуги оказывались бесплатно. Данное положение было весьма прогрессивным для своего времени, и нашло отражение в современном законодательстве, в нормах, регулирующих назначение защитника по представлению бесплатно, в тех случаях, когда по каким-либо причинам подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не могут самостоятельно оплатить услуги адвоката (ст. 51 УПК РФ).

Существенным отличием формирования института защиты по Уставу 1864 г. и УПК РФ является то, что по дореволюционному законодательству защитник мог вовлекаться в процесс исключительно на судебной стадии, его участие на стадии предварительного расследования не было предусмотрено законом, тогда как стадию предвари-

тельного расследования современного уголовного судопроизводства невозможно представить без вовлечения в него защитника. Более того, в современных условиях защитник имеет право участвовать в процессе по представлению интересов своего подзащитного уже на стадии возбуждения уголовного дела, с момента его фактического задержания [20, с. 57]. Несомненно, это свидетельствует о безусловной эволюции как правового статуса защитника, так и реализации принципов уголовного судопроизводства.

Отдельное внимание следует уделить реализации принципа равноправия и состязательности сторон, введенных по результатам судебной реформы, так как именно данные принципы легли в основу реализации права на защиту и формировал определенные компетенции защитника. Презюмировалось, что состязательность проявлялась на стадии рассмотрения и разрешения уголовного дела в суде, в частности, в Уставе была закреплена норма, в соответствии с которой при появлении в процессе нового доказательства, суд был обязан дать другой стороне возможность подготовиться к заседанию. В соответствии со ст. 630 УУС защитник наделялся одинаковыми полномочиями, наравне с прокурором и частным обвинителем, мог представлять доказательства, которые оценивались судом наравне с другими доказательствами по делу.

Следует согласиться с точкой зрения о том, что принцип состязательности в рассматриваемый период развития уголовного судопроизводства не стал основополагающим, так как перед законодателем не стояло задачи полного отказа от розыскной модели уголовного процесса, «требовалось лишь, чтобы они были разумны и не чрезмерны» [21, с. 285].

Результаты Судебной реформы 1864 года имело существенное влияние не только на текущее законодательство, в частности, уголовное судопроизводство, но и повлияло на становление современного законодательства, что может свидетельствовать о его прогрессивности. В результате реформаторской деятельности существенным образом была изменена судебная система, осуществление правосудия стало основываться на определенных принципах, были введены в действие принципы равенства и состязательности, что сделало возможным придание институту адвокатуры легального положения и его дальнейшее развитие.

Погружение в историю развития адвокатуры в целом, и института защитника в уголовном судопроизводстве в частности, в период принятия и действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года позволяет гово-

рить о том, что многие его положения относительно поверенных и защитников подсудимых являлись предтечей многих соответствующих положений, ныне включенных в действующий УПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности». Не изменились суть, правовая природа и основы правового статуса защитника, более того, некоторые требования к адвокату были смягчены в действующем законодательстве по сравнению с положениями Устава 1864 года.

Резюмируя результаты исследования, необходимо отметить, что несмотря на прогрессивность и демократичность (для своей эпохи) принципов Судебной реформы 1864 г., становление института адвокатуры носило сложный характер, поскольку власть традиционно считало адвокатуру источником возможной социальной напряженности и революционным очагом.

Список использованной литературы

1. Лукошкина С.В. О процессуальном иммунитете адвоката в российском уголовном судопроизводстве / С.В. Лукошкина. — EDN TPXTJJ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 95–103.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Москва : Оникс-М, 1994. — 907 с.
3. Осадчук Е.И. История зарождения и развития адвокатуры в царской России / Е.И. Осадчук. — EDN QZAQST // Адвокатская практика. — 2013. — № 4. — С. 39–44.
4. Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / И.Д. Мартысевич; отв. ред. П.Н. Галанза. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1951. — 208 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — Москва : Юрид. лит., 1984. — Т. 1 : Законодательство Древней Руси. — 430 с.
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — Москва : Юрид. лит., 1985. — Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — 519 с.
7. Кучерена А.Г. Адвокатура России / А.Г. Кучерена. — Москва : Инфра-М, 2012. — 784 с. — EDN QSREVD.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Москва : Территория будущего, 2005. — 800 с. — EDN RAYWEN.
9. Осадчук Е.И. История развития российского законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности в России до Великих реформ 1861–1864 годов / Е.И. Осадчук. — EDN RPTZJJ // История государства и права. — 2013. — № 23. — С. 12–16.
10. Панько Н.К. Присяжные поверенные и адвокаты: история развития, сравнительный анализ их правового статуса и полномочий по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и законодательству Российской Федерации / Н.К. Панько. — EDN TLPUSB // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 243–251.

11. Федоров К.В. С.И. Зарудный и подготовка судебной реформы 1864 года / К.В. Федоров, Т.Р. Суздалева. — DOI 10.24411/2500-1000-2020-11600. — EDN DYQAKS // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 12-1 (51). — С. 33–38.
12. Соловьева Ю.И. Сравнительный анализ требований, предъявляемых к присяжным поверенным в 1864 г., и условий приобретения статуса адвоката на современном этапе / Ю.И. Соловьев. — EDN TJKXKN // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 12 (49). — С. 2907–2911.
13. Беккали Х. К вопросу о формировании института адвокатуры в России (1864–1917 гг.) / Х. Беккали. — EDN KDSRSX // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2008. — № 1. — С. 193–202.
14. Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А.Ф. Кони. — Москва : Юридическая литература, 1967. — Т. 4. — 544 с.
15. Данилевская И.Л. О роли адвокатского самоуправления в развитии отечественного конституционализма (1864–1917 гг.) / И.Л. Данилевская. — EDN YWJQEP // Евразийская адвокатура. — 2018. — № 6 (37). — С. 23–27.
16. Бирюкова О.В. Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России / О.В. Бирюкова, И.С. Бондаренко, О.Ю. Винниченко. — EDN GLEHVN // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2020. — Т. 4, № 4 (16). — С. 346–352.
17. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — Москва : Юридическая литература, 1991. — Т. 8 : Судебная реформа. — 495 с.
18. Гаврилова Е.А. Свидетельский иммунитет адвоката, защитника как гарантия независимости его профессиональной деятельности / Е.А. Гаврилова. — EDN FWZJXD // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4 (26). — С. 41–48.
19. Литвинцева Н.Ю. Адвокатская тайна и уголовно-процессуальный закон: пределы вмешательства / Н.Ю. Литвинцева, А.В. Сарибекян. — EDN FQQKLH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4 (26). — С. 128–136.
20. Смолькова И.В. «Правила Миранды»: история возникновения и реализации в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации / И.В. Смолькова. — EDN JYGIAY // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1 (39). — С. 57–69.
21. Упоров И.В. Основные принципы регулирования уголовно-процессуальных отношений в уставе уголовного судопроизводства 1864 года / И.В. Упоров, А.Н. Быстров. — EDN YRJEWP // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25 янв. 2018 г. — Пенза, 2018. — С. 284–288.

References

1. Lukoshkina S.V. On the Procedural Immunity of Lawyer in Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2014, no. 2, pp. 95–103. (In Russian). EDN: TPXTJJ.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Oniks-M Publ., 1994. 907 p.
3. Osadchuk E.I. The History of Emergence and Development of Advocacy in Russia. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2013, no. 4, pp. 39–44. (In Russian). EDN: QZAQST.
4. Martyshevich I.D.; Galanza P.N. (ed.) *Pskov Judicial Charter. A Historical-Legal Study*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1951. 208 p.
5. Chistyakova O.I. (ed.) *Russian Legislation of the X–XX Centuries*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1984. Vol. 1. 430 p.
6. Chistyakova O.I. (ed.) *Russian Legislation of the X–XX Centuries*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1985. Vol. 2. 519 p.
7. Kucherena A.G. *Advocacy in Russia*. Moscow, Infra-M Publ., 2012. 784 c. EDN: QSREVD.
8. Vladimirskii-Budanov M.F. *Overview of the History of Russia Law*. Moscow, Territoriya Budushchego Publ., 2005. 800 p. EDN: RAYWEH.

9. Osadchuk E.I. The History of the Development of Russian Legislation on the Legal Profession in Russia Before the Great Reforms of 1861–1864 s. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2013, no. 23, pp. 12–16. (In Russian). EDN: RPTZJJ.

10. Panko N.K. Barristers and Attorneys: History of Development, Comparative Analysis of their Legal Status and Powers under the Statute of Criminal Procedure of 1864 and the legislation of the Russian Federation. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2014, no. 3, pp. 243–251. (In Russian). EDN: TLPUSB.

11. Fedorov K.V., Suzdaleva T.R. S.I. Zarudny and Preparation of the Judicial Reform of 1864. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no.12-1, pp. 33–38. (In Russian). EDN: DYOAKS. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11600.

12. Solov'eva Yu.I. Comparative Analysis of the Requirements for Barristers in 1864 and the Terms of Acquiring the Status of a Lawyer Today. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 12, pp. 2907–2911. (In Russian). EDN: TJKXKN.

13. Bekkali K.H. To the Question of the Development of the Institute of Advocacy in Russia (1864–1917). *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economics and Legal Science*, 2008, no. 1, pp. 193–202. (In Russian). EDN: KDSRSX.

14. Koni A.F. *The Collected Works*. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1967. Vol. 4. 544 p.

15. Danilevskaya I.L. On the Role of Advocate Self-Management in the Formation of Russian Constitutionalism (1864–1917). *Evraziiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2018, no. 6, pp. 23–27. (In Russian). EDN: YWJQEP.

16. Biryukova O.V., Bondarenko I.S., Vinnichenko O.Yu. Historical and Legal Analysis of the Development of the Institute of Defense Attorneys in Russia. *Vestnyk Kemerovskogo gosudarstvennogo univnrsyteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 346–352. (In Russian). EDN: GLEHVN.

17. Chistyakov O.I. (ed.). *Russian Legislation of the X–XX Centuries*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1991. Vol. 8. 495 p.

18. Gavrilova E.A. The Transactional Immunity of an Attorney, a Defense Counsel as a Guarantee of the Independence of their Professional Activities. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 4, pp. 41–48. (In Russian). EDN: FWZJXD.

19. Litvintseva N.Yu., Saribekyan A.V. Legal Professional Privilege and Criminal Procedure Law: the Limits of Intervention. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 4, pp. 128–136. (In Russian). EDN: FQQLH.

20. Smol'kova I.V. “Miranda Rights”: History of their Establishment and Implementation in the Court Proceedings of the USA and the Russian Federation. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no. 1, pp. 57–69. (In Russian). EDN: JYGIAY.

21. Uporov I.V., Bystrov A.N. Basic Principles of Regulation of Criminal-Procedural Relations the Statute of Criminal Procedure of 1864. *Modern Jurisprudence: Topical Issues, Achievements and Innovations. Materials of International Scientific Conference, Penza, January 25, 2018*. Penza, 2018, pp. 284–288. (In Russian). EDN: YRJEWP.

Информация об авторе

Буфетова Марьям Шамильевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация.

Author Information

Bufetova, Mariam Sh. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 14.06.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.06.2024

Принята к публикации / Accepted 03.10.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 16.10.2024